

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

СТАРШАЯ
ДОЧЬ БЫЛА
СВОБОДНОЙ

Альберт Лашёв

Старшая Дочь Была Свободной

<https://litres.ru/74199524>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Старшая дочь Церкви» — так Рим называл Францию. Титул красивый. И очень точный: дочь слушается. Платит. А когда пытается уйти — её возвращают.

Поэтому — Франция: страна, которая никогда не выбирала пап и три века считала, что это она владеет Римом, а не Рим ею.

751 год. Майордом Пипин, у которого есть всё войско франков, идёт в Рим за словом. Потому что мечом корону взять было нельзя: Меровинги — сакральный род, их нестриженные волосы сами были знаком избранности. Рим даёт слово, Хильдерика III стригут в монахи, и клятва знати растворяется законно. В 756-м приходит счёт: Пипин кладёт ключи от отвоёванных городов на гроб Петра. Так рождается Папское государство. Транзакция замкнулась.

Дальше — пятнадцать веков платежей. Санлис, 987 год: смена династии при угнанном Риме, и в зале не звучит ни одного папского слова, но система не даёт сбоя. Ананьи, 1303 год: пощёчина папе — и Рим переезжает в Авиньон, под французский надзор, — но через семьдесят лет возвращается. Код держался.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Альберт Лашёв

Старшая Дочь

Была Свободной

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ
СТАРШАЯ ДОЧЬ
БЫЛА СВОБОДНОЙ

Свободная на языке франков — это Франция
Из цикла «Рождённые в Матрице. След»
Полевые испытания: Франция

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Полевые испытания

Глава I. Корона из рук подсудимого

Глава II. Король из леса Санлиса

Глава III. Деяния Бога через франков

Глава IV. Пощёчина

Глава V. Пятница

Глава VI. Кто кого пленил

Глава VII. Три папы, одна касса

Глава VIII. Страх

Глава IX. Подпись

Глава X. Гражданин Браски

Глава XI. Корона из грязи

Глава XII. Седан

Глава XIII. Strage

Глава XIV. Антипапы: опись подделок

Глава XV. Инструменты

Заключение. Опись, приложенная к сегодня

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

[РАБОЧЕЕ НАЗВАНИЕ: ФРАНЦИЯ]

Полевые испытания кода папских имён

ВВЕДЕНИЕ. ПОЛЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Эта книга — не первая в нашем расследовании, и читатель вправе знать, что у него в руках.

В книге «Инструкция для римского папы» я вскрыл код: папское имя — не украшение, а должностная инструкция. Лев — переговорщик с эпохой, Григорий — архитектор, Бенедикт — хранитель механики, Климент — интерфейс внешней силы, Иннокентий — чистка, Пий — осада, Иоанн — сброс. Я вывел этот код из четырёхсот лет конклавов и проверил его Ретротестом на истории самого Рима. Но всякая теория, проверенная только на материале, из которого выведена, уязвима для одного возражения — и мы произнесём его за критика: «Вы нашли узор там же, где его искали. Покажите код на чужом поле».

Показываю. Эта книга — полевые испытания. Я беру стра-

ну, которая не выбирала пап, не сидела в конклавах и веками считала, что это она владеет Римом, а не Рим ею, — Францию, «старшую дочь Церкви». И прикладываю к её истории ту же таблицу — она перед тобой, без сокращений, в точности по «Инструкции». Правила испытаний объявляю заранее, чтобы меня можно было поймать за руку: каждый факт — только из первоисточников, с указанием документа; каждое утверждение несёт метку — [Д] документировано, [Р] реконструкция на документах, [ПК] предание или косвенное, на котором мы не строим; слабости своих доказательств я называю раньше критиков. Если код — наша выдумка, он обязан сломаться на первом же французском узле. Я доказываю систему. Я показываю матрицу.

ИМЯ / ПЕРЕЛОМ

А. Нашествие

В. Конфигурация власти

С. Раскол тела Церкви

Д. Технологический сдвиг

Е. Угроза релевантности

Ф. Внутр. легитимность

ИОАНН (21) — имя сброса

Иоанн VIII — арабы (Н)

Иоанн XII — коронация Оттона (У: Тускуланы)

Иоанн VIII — Фотианская схизма (Н)

—

Иоанн XXIII — секуляризация, Собор (Н)

Иоанн Павел I — демонтаж вертикали (Н, 33 дня)

ГРИГОРИЙ (16) — архитектор

Григорий I — чума, лангобарды (Н)

Григорий VII — инвеститура, машина 1059 (Н)

Григорий XII — сложил сан, закрыл Раскол (Н)

Григорий XIII — календарь (Н)

Григорий XVI — модерн (СБОЙ: баррикада вместо стройки)

—

БЕНЕДИКТ (15) — хранитель механики

—

Бенедикт XV — мировая война, план 1917 (Н)

Педро де Луна — канонист Раскола (антипапа-Н)

—

Бенедикт XIV — Просвещение, инвентаризация (Н)

Бенедикт XI — после Ананьи (Н); Бенедикт XVI — отречение (Н)

КЛИМЕНТ (14) — интерфейс (вектор СНАРУЖИ ВНУТРЬ)

—

II — Сутри; IV — Анжу; V — Филипп, тамплиеры; VI —

покупка Авиньона; VIII — легитимация Бурбонов; XIV — ликвидация иезуитов (все Н-интерфейс)

антипапы Климент III, VII, VIII — креатуры корон (У×3)

—

—

Климент XI, XIII — сопротивленцы (С, оба сломаны)

ЛЕВ (14) — переговорщик с эпохой

Лев I — Аттила (Н)

Лев III — коронация Карла (Н)

Лев X — Реформация прозевана (У: Медичи)

Лев XIII — пром. революция; Лев XIV — ИИ (Н)

—

—

ИННОКЕНТИЙ (13) — чистка

Иннокентий I — Аларих, 410 (Н)

Иннокентий III — вершина; IV — низложение Фридриха
II (Н)

Иннокентий II — победа через сеть Бернарда (Н)

—

Иннокентий X — Вестфаль, мир игнорирует (Н)

Иннокентий XII — чистка курии, запрет nepотизма (Н)

ПИЙ (12) — осада

Пий II, V — османы, Лепанто (Н)

Пий VI — Революция (плен); VII — Наполеон (плен); IX — потеря государства (Н)

—

—

Пий X — модернизм; XI — тоталитаризмы; XII — война (Н)

—

Почему мы начинаем с 751 года — не раньше и не позже

Читатель, знающий французскую историю, ждёт одного из двух начал. Либо 496 год — купель Реймса, крещение Хлодвиг, рождение «старшей дочери Церкви». Либо 800-й — Рим, Рождество, корона империи на голове Карла Великого. Я не возьму ни то, ни другое, и объясню почему.

Крещение — не сделка. В 496 году Хлодвиг принимает веру: это событие духа, у него нет второй подписи, нет цены и нет счёта к оплате — следствию там нечего расследовать. Коронация 800 года — уже сделка, но вторая: когда папа Лев III надевает корону на Карла, между Римом и франками давно действует договор, и коронация лишь очередной платёж по нему. Следовательно же начинается с первой транзакции — с той, где впервые сошлись товар, цена и подписи сторон. Она датирована, и я разложу её по трём документам.

751 год. Майордом Пипин Короткий — фактический правитель франков при короле-тени из рода Меровингов — от-

правляет послов в Рим с вопросом, который сам по себе есть предложение сделки: как папа относится «к королям, которые во Франкии не имеют власти»? И папа Захарий отвечает — ответ сохранён франкскими анналами дословно: «Лучше всего называть королём того, кто имеет власть, нежели того, кто её не имеет». Вчитайся, читатель, это одна из самых дорогих фраз в истории Европы. Епископ Рима, не имеющий над франками никакой юридической власти, одной фразой закрывает династию, правившую два с половиной века: в ноябре 751 года в Суассоне Пипина провозглашают королём, а последнего Меровинга — Хильдерика III — стригут в монахи, и род, возводивший себя к морским богам, исчезает из истории через ножницы. Первый документированный случай, когда Рим санкционирует свержение королевской династии. Заметь при этом то, что заметит не всякий: Пипин спрашивал. Власть у него уже была — вся; не было права. Право он пошёл покупать в Рим — и этим сам, добровольно, учредил инстанцию выше короны. [Д] — Анналы королевства франков, Эйнхард, Продолжатель Фредегара.

И спроси, читатель, почему Пипин, у которого было всё войско франков, не взял корону мечом. Потому что мечом её взять было нельзя: Меровинги — род сакральный, «длинноволосые короли», чьи нестриженные волосы сами были знаком избранности, и это не моя реконструкция — так писал их современник Григорий Турский. Убей Хильдерика — и ты не король, а святотатец, которому знать не присягнёт. У

всесильного майордома не было хода — и он пошёл в единственную кассу, где меняют присяги: слово Захария растворило клятву знати Меровингам законно, для всех разом. А теперь смотри на инструмент исполнения: Хильдерика не казнили — его остригли. Ножницы сняли с рода сакральность, не пролив ни капли крови. Меч так не умеет — так умеет только система. [Д] — о волосах Меровингов: Григорий Турский; о пострижении: анналы, Эйнхард.¹

754 год — товар оформляют нотариально. Папа Стефан II лично пересекает Альпы — первый папа в истории, явившийся к франкам, — и в базилике Сен-Дени собственными руками помазывает Пипина и его сыновей на царство, а франкам под страхом отлучения запрещает впредь избирать королей из иного рода. Смотри, что произошло: династия Каролингов легитимна не кровью — кровь как раз не у них, — а помазанием из Рима. Их право на корону физически изготовлено чужими руками и может быть чужими руками отозвано. [Д] — *Clausula de unctione Pippini, Liber Pontificalis*.

756 год — приходит счёт. Пипин с войском дважды переходит Альпы, отбивает у лангобардов Равеннский экзархат и двадцать два города — и не возвращает их императору в Константинополь, которому они принадлежали по праву, а кладёт ключи от них на гроб святого Петра. Так называемый «Пипинов дар»: в этот день рождается Папское государство

¹ Григорий Турский. История франков (*o reges criniti* — «длинноволосых королях»); *Annales regni Francorum*, а. 750; Эйнхард. Жизнь Карла Великого, гл. 1.

— та самая держава, которую тысячу лет спустя будут воскрешать русской кровью 1812 года, но это другая моя книга. Транзакция замкнулась: Рим дал корону — Франция заплатила Риму государством. [Д] — *Liber Pontificalis*.

И четвёртый документ, венчающий узел, — фальшивый. Свои права на подаренные земли римская канцелярия подкрепляла «Константиновым даром» — грамотой, по которой якобы ещё император Константин отписал папам запад империи. В 1440 году филолог Лоренцо Валла разобрал эту грамоту по буквам и доказал: подделка, изготовленная канцелярией столетия спустя после Константина; сегодня подложность признана всеми, включая сам Рим. Запомни это, читатель, с первой главы: у сделки 751–756 годов правоустанавливающий документ оказался фальшивкой — и на этой фальшивке простояло тысячелетнее государство. Наше расследование началось с подделанного векселя. Дальше мы пойдём по платежам. [Д] — Валла, «Рассуждение о подложности Дарственной грамоты Константина».

Одну честность договорим до конца, прежде чем открыть первую главу. Имена Захарий и Стефан не входят в семь великих имён нашей Матрицы — и мы не станем натягивать код туда, где он не заявлен. Узел 751–756 показывает не работу имён — он показывает рождение системы: векселя «корона в обмен на государство», по которому Франция будет платить одиннадцать веков.

Договорим о методе до конца. Код имён работает в две

фазы, и читатель Матрицы это уже видел: до рубежа тысячелетия великие носители — Лев I, остановивший Аттилу, Григорий I, державший Рим среди чумы, — создавали образцы функций собственными деяниями; с включением выборной машины (регулярная смена имён — с 1009 года, декрет о выборах — 1059-й) имя стало назначением: ссылкой на образец, должностной инструкцией новому папе. Ранние носители — авторы кода, поздние — исполнители. Поэтому в первых узлах этой книги мы будем смотреть, как отливаются образцы, а с одиннадцатого века — как машина раздаёт их по инструкции. И заметь уже сейчас, на чьей земле собирали саму машину: Ключи — Бургундия, французская земля; подробный разбор этой сборки читатель найдёт в моей книге «Корона и ключ».

Работу имён начнём смотреть с первого же платежа: Рождество 800 года, Рим, — и на голову Карла корону наденет папа с именем Лев. Открой Матрицу: Лев, переговорщик с эпохой, — «Лев III — коронация Карла». Клетка заполнена самой историей за шесть веков до того, как была построена таблица. Испытания начались.

ГЛАВА I. КОРОНА ИЗ РУК ПОДСУДИМОГО

Рождество 800 года, Рим, базилика святого Петра. Король франков Карл — ещё не «Великий», это прозвище у него впереди — поднимается с молитвы у гробницы апостола.

Сзади к нему подходит папа Лев III и возлагает на его голову корону; собор, будто по команде, трижды возглашает: «Карлу, августу, Богом венчанному, великому и миротворящему императору римлян — жизнь и победа!» Так, если верить праздничной картинке из учебников, возродилась Западная империя.

Это расследование — и я начну его с того, что отмотаю эту сцену на двадцать месяцев назад. Потому что праздничная картинка не показывает главного: кем был человек, державший корону.

Подсудимый

Апрель 799 года. Во время процессии в Риме на папу Льва III нападает вооружённая знать во главе с племянниками его предшественника: папу избивают среди улицы — источники говорят о попытке ослепить и вырезать язык, — бросают в монастырь. Он бежит: через Альпы, на север, ко двору франкского короля в Падерборн. Вдумайся в эту сцену, читатель, она в нашем с тобой деле опорная: папа — беглец. Против него выдвинуты обвинения — клятвопреступление и прелюбодеяние, — и выдвинула их не чернь, а римская аристократия, знавшая понтифика вблизи. У Льва нет ни войска, ни города, ни доброго имени. Всё, что у него есть, — вексель 751 года из нашего введения: род Каролингов держит корону из рук Рима и обязан Риму защитой. И он едет предъявлять вексель. [Д] — Анналы королевства франков,

Осенью 800 года Карл идёт на Рим с войском — и смотрит внимательно, в какой роли он входит в вечный город: в роли судьи. Несколько месяцев король франков разбирает римские дела, судит заговорщиков — и судит папу: обвинения против Льва рассматриваются при Карле, и 23 декабря, за два дня до Рождества, папа приносит публичную очистительную клятву в своей невиновности — стоя перед франкским королём, перед епископами, перед той самой знатью, что его обвиняла. Юридически тонко это оформлено как «добровольная» клятва, ибо «никто не судит апостольский престол», — но всякий в базилике видел то, что видел: понтифик оправдывается перед мирянином. Запомни дату: двадцать третье декабря. [Д]

Сорок восемь часов

А теперь — двадцать пятое. Тот же человек, что позавчера клялся в невиновности, подходит сзади к своему судье и надевает на него корону империи, не существовавшей на Западе триста двадцать четыре года.

И вот свидетельство, ради которого мы ведём это исследование по первоисточникам. Эйнхард, придворный биограф, человек, обедавший с Карлом за одним столом, пишет в двадцать восьмой главе «Жизни Карла Великого»: император говорил, что не вошёл бы в тот день в церковь — даже

² Annales regni Francorum, a. 799–800; Liber Pontificalis, Vita Leonis III (рус. корпус: Историки эпохи Каролингов. М., 1999).

в столь великий праздник, — если бы знал заранее о замысле папы. [Д] Прочти это глазами следователя. Придворный историк — свидетель, у которого есть все мотивы приукрашивать своего государя, — признаёт письменно: инициатива в главной сцене царствования принадлежала не государю. Не Карл взял корону — Лев её вручил, выбрав момент, место и обряд так, что отказаться было невозможно: посреди мессы, при мощах Петра, при возглашающем народе. Отказ на глазах Рима — оскорбление святыни; принятие — прецедент на тысячу лет. Взвесь положение Карла: у сильнейшего человека эпохи в эту минуту нет хода, который не был бы ходом Льва. Запомни эту вилку, читатель, — в третьей главе я дам ей имя.³

Взвесь теперь сделку целиком, обе чаши. Что отдал Лев? Корону, которой у него не было, — титул несуществующей империи, изготовленный словом и жестом. Что получил? Всё. Первое: неприкосновенность — судить папу отныне некому, ибо единственный, кто мог, стал его помазанником; обвинения 799 года умерли в момент коронации. Второе, несоизмеримо большее: прецедент — императора Запада делает папа. Не наследование, не войско, не сенат — рука понтифика. За сорок восемь часов человек прошёл путь от подсудимого до инстанции, раздающей империи. Назову вещи по именам: это не благодарность спасённого — это пе-

³ Эйххард. Жизнь Карла Великого. Гл. 28 // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.

рехват, проведённый из безнадёжной позиции с точностью ювелира. [Д] по хронике, [Р] по прочтению замысла — и я обязан дать вторую версию: историки резонно полагают, что коронация была сговорена заранее, ещё в Падерборне, а «неожиданность» Эйнхарда — версия двора, которому не к лицу выглядеть облагодетельствованным. Заметь, читатель: нам годятся обе. Если врасплох — Лев гениально навязал; если сговор — Эйнхардова оговорка показывает, как отчаянно двор потом отрещивался от сцены, где корона пришла сверху. В обоих чтениях источник короны — не Карл. [Д]/[Р] по версиям.

Показания Матрицы

Здесь мы впервые прикладываем к французскому узлу нашу таблицу — открой её во введении. Имя Лев: переговорщик с эпохой; образец отлит Львом I, который в четырёхста пятьдесят втором вышел без войска навстречу Аттиле — и разговором развернул гунна от Рима. Теперь смотри на Льва III: без войска, без города, под судом — он выходит навстречу сильнейшему человеку эпохи и разговором, жестом, выбором момента обращает силу эпохи в опору престола. Та же функция, тот же приём, та же ячейка. Оговорка метода, честная: в 795 году, когда Лев III взошёл на престол, имена ещё не выбирались программно — машина назначений заработает через два столетия (об этом — во введении, о её сборке — в моей книге «Корона и ключ»). Тем показательнее совпадение: функция легла в имя до того, как имя стало

должностной инструкцией. Это фаза образцов: история сама отливала формы, которые машина потом будет раздавать. Первое полевое испытание Матрица выдержала — и выдержала с запасом.

Побег

Карл понял, что произошло на Рождество, — на осмысление у него ушло тринадцать лет, и ответ его читается как юридический контрудар.

Одиннадцатое сентября 813 года, Ахен, дворцовая капелла. Умиравший император созывает собрание знати всего королевства и делает соправителем единственного выжившего законного сына — Людовика. И вот обряд, ради которого созывалось собрание: корона переходит к Людовику без папы. Источники расходятся в жесте — по Анналам королевства франков Карл возложил корону на сына сам, по Тэгану, биографу Людовика, — велел сыну собственными руками взять корону с алтаря и возложить на себя; разночтение показываю честно, но вчитайся: обе версии об одном. Из обряда вычеркнут Рим. Ни понтифика, ни легата, ни Вечного города — Ахен, франкская капелла, своя рука. Император, двадцать пятого декабря восьмисотого года получивший империю сверху, попытался завещать её вбок — по крови, как отцовское имущество, а не как римскую выдачу. Первая в истории Франции попытка соскочить с векселя 751 года. [Д] по обоим источникам.⁴

⁴ Annales regni Francorum, a. 813; Thegan. Gesta Hludowici imperatoris, c. 6 (о

Через четыре месяца, двадцать восьмого января 814 года, Карл умирает.

А тем временем — Рим

Пока Ахен празднует самовенчание и хоронит императора, посмотри, что делает вторая сторона сделки, — и ты увидишь то, что я буду показывать всю книгу: система работает, когда её исполнители спят, болеют и умирают.

Лев III на ахенский обряд не отвечает ничем — и не потому, что смирился: ему за шестьдесят, и он снова осаждён. В 815 году римская знать поднимает против него новый заговор — и папа топит его в крови, казня участников собственной властью, не дожидаясь имперского суда; франкам остаётся лишь задним числом разбираться, по какому праву. Человек, начинавший наш узел избитым беглецом, заканчивает его палачом собственной знати — но престол его снова шатается. [Д] — франкские анналы.

Теперь считай гробы. Январь 814-го — умирает Карл. Июнь 816-го — умирает Лев. За двадцать девять месяцев рождественская сцена восьмисотого года теряет обоих актёров: и голову, носившую корону, и руку, её возложившую. Если бы прецедент жил в людях — здесь бы ему и конец: некому помнить, некому требовать, у обеих сторон новые люди с новыми заботами. Смотри, что происходит вместо этого. На престол садится Стефан IV — и читай его первые шаги как хронику вступления в должность: римлян он при-

взятии короны с алтаря собственными руками).

водит к присяге императору, а сам — не испросив у императора подтверждения своего избрания, как требовал обычай, — немедленно собирается в дорогу. Через Альпы. К Людовику. И везёт с собой корону. Новый папа, не успевший обжить Латеран, первым государственным актом едет чинить то, что сломал Ахен, — хотя его никто не звал, договора о визите не было и лично ему Ахен ничего не сделал. Не было договора — была функция. [Д] по датам и поездке, [Р] по прочтению. Запомни этот такт, читатель, он повторится в этой книге не раз: исполнители сменились полностью — пауза не возникла. Так не работает человек. Так работает контора.⁵

Возврат

А теперь смотри, сколько прожил побег. Октябрь 816 года, Реймс. Стефан перекоронует Людовика заново: с полным помазанием, по римскому чину, короной, которую привёз с собой из Рима — и которую называли «короной Константина». Задержись на этом названии, читатель, ты его уже слышал: Константин — тот самый император, чьим поддельным «Даром» канцелярия обосновала владения, полученные в 756-м; теперь под тем же брендом через Альпы везут корону — перекрыть ахенское самовенчание. Фальшивый вексель обслуживают фирменным клеймом. Людовик — при

⁵ *Annales regni Francorum*, а. 815–816 (заговор против Льва III и его подавление; смерть Льва; поездка Стефана IV); *Liber Pontificalis*, *Vita Leonis III*, *Vita Stephani IV*.

отце коронованный без Рима — склоняет голову. И пойми, почему склонил: отец, чья рука его короновала, мёртв — а присяга знати живому обряду мёртвого не переживает; гарантию на завтра выдаёт только тот, кто будет и послезавтра. Людовику оставили один ход — и римское помазание ложится поверх отцовского обряда, юридически растворяя его: настоящая коронация отныне эта, реймсская, папская. [Д] — франкские анналы, жизнеописания Людовика.⁶

Подведём арифметику узла. Попытка Карла вывести империю из-под римской руки продержалась с сентября 813-го по 816-й — около тридцати четырёх месяцев, и умерла не в бою: сын сам подставил голову. Запомни этот срок — тридцать четыре месяца: мы с тобой будем измерять им каждую следующую попытку Франции выйти из системы, и читатель увидит, что срок этот почти не растёт веками. И второе, горше первого: больше ни один Каролинг соскочить не пробовал — а чем кончил сам род, читатель «Короны и ключа» уже знает по таблице династий той книги: обласканные Римом, помазанные в 751-м, коронованные в 800-м — выродились и пресеклись, и в 987 году их живого наследника по крови обойдут при живом праве — с решающим словом архиепископа. Корона, однажды взятая из чужих рук, из них уже не выпускается — её можно только вернуть. Как меняли Каролингов на следующих — Глава II.

⁶ *Annales regni Francorum*, a. 816; *Ermoldus Nigellus. In honorem Hludowici; Thegan. Gesta Hludowici*, c. 16–17 (Реймс, 816, «корона Константина»).

Опись рычагов узла

Читатель, мы заведём с этой главы привычку следовательно: закрывая узел, пересчитывать инструменты, которыми он был сделан. Введение дало первые два: растворитель присяги (слово Захария) и ножницы-десакрализация (пострижение Хильдерика). Эта глава добавляет ещё два: вилка момента — положение, в котором любой ход жертвы есть ход системы (базилика, Рождество 800-го), и перекоронация — аннулирование чужого обряда наложением своего (Реймс, 816-й). Держи опись открытой: она будет расти.

ГЛАВА II. КОРОЛЬ ИЗ ЛЕСА САНЛИСА

Двадцать второе мая 987 года. Молодой король Людовик V — девятнадцати лет, коронованный, здоровый — гибнет на охоте. Хронисты запишут: несчастный случай. Мы запишем то, что хронисты упоминают мимоходом: лес, в котором оборвалась последняя правящая ветвь Каролингов, — лес Санлиса, владение герцога Гуго Капета. Последняя кровь гаснет на земле претендента, и там же, в Санлисе, через считанные дни соберётся ассамблея, которая отдаст претенденту корону. Я не строю на совпадении места — помечу его [ПК] и пойдём к документам. Но запомни, читатель, эту декорацию: она задаёт тон всему, что случится дальше.

Речь

Ассамблея съезжается в Санлис — в самый центр владе-

ний Гуго, — и источники отмечают: большинство прибыло «уже настроенным». Собрание, созванное во владениях кандидата, голосует свободно — как свободно дышит человек, приглашённый в чужой дом с чужой стражей у дверей. Живой Каролинг существует: Карл, герцог Нижней Лотарингии, дядя погибшего короля, взрослый мужчина королевской крови, праправнук Карла Лысого. По праву рождения вопрос не стоит вовсе. И потому вопрос рождения нужно убить — публично, голосом, которому поверят.

Слово берёт архиепископ Реймский Адальберон, и его речь записана: Рихер Реймский, монах святого Ремигия, ученик Гербертовой школы — по всей видимости, стоявший в том зале, — сохранил её для нас. Слушай, читатель, как хоронят династию.

«Благословенной памяти Людовик покинул мир, не оставив детей, — поэтому следует тщательно изыскать, кто достоин унаследовать ему на престоле, чтобы заброшенное государство без правителя не пришло в упадок».

«Не оставив детей» — при живом дяде королевской крови, сидящем в двух неделях пути. Карла оратор не забыл — Карла оратор казнит следующей фразой: тот, дескать, «потерял голову настолько, что посмел служить чужому королю и жениться на неровне — женщине из сословия вассалов». Вслушайся в обвинения: не злодейство, не ересь — мезальянс и служба соседу. За это в 987 году закрывают род, помазанный Римом в 751-м. И архиепископ произносит фор-

мулу, которая переживёт века — я разбирал её в книге «Корона и ключ», здесь лишь напомним: королевство добывается не по праву рождения, а по достоинству. Право крови, единственное, чем жив принцип династии, объявлено недействительным — устами человека, который сам же короновал этой кровью двух последних королей. А закрывает Адальберон сделку фразой, от которой веет не собором — конторой: «Вы найдёте в лице герцога не только защитника государства, но и ваших личных интересов». [Д] — Рихер, «История», книга IV. Оговорка честности: Рихер писал речи в античной манере, и дословность — [Р]; но суть речи подтверждена хрониками, от Рихера независимыми, а итог заседания — фактом коронации.⁷

Первого июня Гуго провозглашён; вскоре в Нуайоне помазан — рукой того же Адальберона. А на Рождество того же года Гуго коронует сына, Роберта, соправителем. Узнаёшь ход, читатель? Это трюк Карла Великого из Главы I — застраховать династию при живом отце. Но смотри на разницу, в ней вся наука, которую Капетинги выучили у Каролингов: Карл в 813-м короновал сына своей рукой, без церкви — и обряд стёрли за тридцать четыре месяца; Гуго страхует сына руками архиепископа, внутри системы, — и Капетинги просидят на троне восемьсот лет. Система не запрещает наследование. Система запрещает наследование мимо своей руки.

⁷ Рихер Реймский. История. Кн. IV, гл. 11 / Пер. А. В. Тарасовой; отв. ред. И. С. Филиппов. М.: РОССПЭН, 1997.

Кем был оратор

Теперь — вопрос следствия: кто говорил в Санлисе и что получил. Адальберон — лотарингец, сын графа Верденского, человек имперской орбиты Оттонов — и держатель главного рычага королевства: реймского обряда коронации. Кто держит обряд — тот держит очередь к трону. А Карл, которого он похоронил словом, — герцог Лотарингии и вассал империи, чьё воцарение во Франции слило бы две короны в кошмар для всех соседей. И источники прямо называют цену, заплаченную новым королём архиепископу за корону: Гуго отказался от притязаний на Лотарингию и замирился с империей. [Д] Реймский митрополит одной речью убрал угрозу своей родине и своим покровителям — и посадил на трон должника. За его плечом в Санлисе стоял секретарь, писавший его письма, — Герберт Орильякский. Запомни это перо: через двенадцать лет оно подпишет «Сильвестр II» — первый француз на престоле Петра, воссевший ровно на пороге эпохи, когда имена станут назначениями. Реймская канцелярия, решившая в 987-м, кому быть королём Франции, в 999-м пересядет решать в Рим.

Вербное воскресенье

Карл Лотарингский не принял приговора — и три года дрался за кровь. В 988-м он берёт Лан, древнюю столицу Каролингов. В 989-м ему без боя сдаётся сам Реймс. У него войско, у него города, у него право — у него нет только одного: института, который выдаёт прощения.

Двадцать девятое марта 991 года, Вербное воскресенье. Епископ Ланский Адальберон по прозвищу Асцелин — человек, которого Карл после притворного примирения простил и приблизил, — ночью открывает ворота людям Гуго. Хронист не ищет слов: «новоявленный Иуда выдал своего князя, которому сам же присягал», — и выдал в день, когда церковь вспоминает вход Господень в Иерусалим, за которым следует предательство. Всмотрись в биографию этого Иуды, она — улика поверх улики: годами раньше Карл публично обвинил Асцелина в связи с королевой; церковный синод под председательством Адальберона Реймского обвинённого оправдал — а обвинителя-Карла отправили в изгнание. Система отмыла будущего предателя за годы до поцелуя — и предатель расплатился с ней в срок. [Д]⁸

Финал — орлеанская башня. Карл заперт с женой и с детьми и умирает в заточении не позже 995 года. Праправнук Карла Лысого, носивший имя Карла Великого, кончается в тюрьме соперника — и с ним кончается род, которому Рим вручил корону в 751-м. Вексель отработал полный круг: династия, взятая из рук церкви, церковной же рукой и сдана. Двести тридцать шесть лет — от помазания в Сен-Дени до орлеанского каземата.

Рим в этот момент

⁸ Рихер Реймский. История. Кн. IV (о предательстве 29 марта 991 г.); Адемар Шабанский. Хроника, кн. III; о синоде, оправдавшем Адальберона Ланского, — Рихер, кн. III.

А теперь подними глаза от Санлиса к Риму — мы обещали читателю делать это в каждом узле, и здесь взгляд упирается в то, ради чего пишется вся книга.

На престоле Петра в 987 году — Иоанн XV. Открой Матрицу: Иоанн — имя сброса. Смена династии величайшего королевства Запада — сброс рода, правившего два с половиной века, — происходит при имени сброса. Таблица, составленная нами тысячу лет спустя по другим основаниям, попадает в узел с первого прикосновения. И вспомни соседнюю клетку той же строки: Иоанн XII — коронация Оттона, 962 год, — сброс конфигурации власти на востоке; теперь Иоанн XV — сброс династии на западе. Одно имя — одна функция, четверть века между. [Д] по датам понтификатов, Матрица — перед тобой, сверяй.⁹

Но глубже совпадения — второй слой, и он отвечает на главный вопрос этой книги: кто работает, когда папа не работает? Потому что Иоанн XV — не властный понтифик: Рим тех десятилетий историки зовут «тёмным веком» папства, престол в руках городских кланов, и Иоанн — ставленник дома Кресцентиев, едва распоряжающийся собственным городом. Открой в Матрице клетку Иоанна XII: «У — угон: Тускуланы» — престол в те века регулярно угоняли римские семьи. И вот при угнанном, обессиленном, клановом центре — операция в Санлисе проходит безупречно: право крови

⁹ Liber Pontificalis (понтификат Иоанна XV, 985–996); о положении престола при доме Кресцентиев — там же и в хрониках эпохи.

похоронено, династия сменена, новый род привязан к церковной руке, страховка наследника проведена по правильно-му обряду. Кто провёл? Не Рим — Реймс: митрополит, держатель коронационного обряда, с канцелярией, чей секретарь завтра сам станет папой. Читатель, это и есть ответ, к которому мы будем возвращаться всю книгу: система — не папа. Папу можно угнать, купить, посадить кланом — функция исполняется всё равно, потому что живёт не в человеке на престоле, а в сети, которая переживает любого человека: Реймс, Ключи, канцелярии, обряды. Через полвека эта же сеть отберёт престол у римских кланов обратно — Сутри, декрет 1059 года, машина выборов (её сборку мы разобрали в «Короне и ключе») — и с этого момента функция и престол снова совпадут: имена станут инструкциями. А пока запомни увиденное: центр угнан — система работает. Мы с тобой ещё не раз увидим этот почерк, и всякий раз он будет означать одно: за спинами епископов и королей стоит нечто, не совпадающее ни с епископом, ни с королём, ни даже с папой. [Д] по состоянию престола, [Р] по прочтению — но прочти иначе, если сможешь.

Тридцать четыре месяца: раскрываем меру

В Главе I мы просили запомнить срок — тридцать четыре месяца прожил ахенский побег Карла Великого. Теперь посчитай войну Карла Лотарингского за корону крови: Лан взят в 988-м — Вербное воскресенье случилось в марте 991-го. Снова около тридцати четырёх месяцев. Два узла — одна

мера, и читатель вправе спросить: что это за магия?

Отвечаем сразу и честно: никакой мистики, никакой ну-мерологии — я не стану строить храм на двух измерениях, и если линейка сломается в следующих узлах, скажу это первым. Но у меры есть механика, и она страшнее магии. Смотри, от чего умерли обе попытки. Ахенская — от того, что сын склонил голову под римскую корону. Лотарингская — от того, что прощённый друг открыл ворота. Ни та ни другая не проиграла в поле: обе умерли от переприсяги ближнего круга. И вот механизм, который отныне будем называть по имени: попытка выйти из системы держится на человеке — система держится на институте. Человек устаёт, стареет, умирает, и его сторонникам нужно то, чего он дать не может: гарантию на завтра. Гарантии на завтра выдаёт только тот, кто был вчера и будет послезавтра, — институт. Поэтому системе не нужно побеждать мятежника: ей достаточно ждать, пока его окружение сделает арифметику — и обменяет живого человека на вечную контору. Три года, плюс-минус, — столько выдерживает личная верность против векселя с вечным сроком. Вот вся магия числа: тридцать четыре месяца — это период полураспада верности в поле тяготения института. Будем прикладывать эту линейку дальше — не как пророчество, как термометр.

Дорога ведёт вперёд: как сеть, проведшая Санлис при угнанном Риме, вернула себе сам Рим — и как первый же собранный ею конвейер имён обкатали снова на французах

и их соседях, — читатель уже видел в «Короне и ключе»; мы пройдем по французской стороне этих лет коротким мостом и выйдем к утру, когда всё, построенное за три века, впервые ударит по самой Франции в полную силу: Ананьи, 1303 год, пощёчина. Но прежде — Клермон, 1095-й: первый папа-француз уже был; теперь папа-француз поднимет с французской земли весь Запад. Туда и идём.

Опись рычагов узла

Пересчитаем инструменты. К четырём из прежних узлов эта глава добавляет три: монополия на обряд (кто держит чин коронации — держит очередь к трону: Реймс), съезд на земле заинтересованного (Санлис — голосование под чужой крышей) и переприсяга ближнего круга — та самая механика тридцати четырёх месяцев: система не побеждает мятежника, она ждёт, пока его окружение обменяет живого человека на вечную контору. Семь рычагов — и мы ещё в десятом веке. Опись открыта.

ГЛАВА III. ДЕЯНИЯ БОГА ЧЕРЕЗ ФРАНКОВ

Двадцать седьмое ноября 1095 года, поле за восточными воротами Клермона. Город не вместил съехавшихся — епископских свит, рыцарей, крестьян, пришедших поглядеть на живого папу: папы не ступали на землю Франции почти полвека, и вот один из них — свой, шампанец, говоривший с этой толпой без переводчика — поднимается на помост по-

среди поля.

Его звали Одон де Шатийон, и путь его читатель обязан знать до того, как он откроет рот: монах Ключи, затем главный приор Ключи — второе лицо аббатства, которое я в «Короне и ключе» назвал сборочным цехом папской машины, затем кардинал при Григории VII — том самом Гильдебранде, что поставил императора на колени в Каноссе. Теперь он папа Урбан II — и по дороге в Клермон, в октябре, он завернул в Ключи и освятил там новый алтарь. Человек машины, перед главным ходом своей жизни заехавший поклониться конвейеру, который его собрал. [Д] — Гвиберт Ножанский, «Gesta Dei per Francos», книга II.¹⁰

Он говорил на языке этой толпы, и хронисты — четверо, слышавшие его сами или писавшие со слов слышавших, — сохранили нам его голос. Вот он, по записи Роберта Реймского:

«Народ франков, народ, живущий за горами, народ, избранный и возлюбленный Богом... К вам обращается моя речь и вас достигает наше увещание. Из пределов Иерусалима и из града Константинополя пришла к нам горестная весть: народ персидского царства, народ проклятый, чужеземный, вторгся в земли тех христиан, опустошил их мечом, грабежом и огнём...»

¹⁰ Guibertus Novigenti. Gesta Dei per Francos. II.1 (о ключийском приорстве Одона); об освящении алтаря в Ключи в октябре 1095 г. — акты поездки Урбана II.

Заметь, читатель, первое же слово: не «христиане», не «дети мои» — народ франков. Адресат назван по имени, и это имя — не Церковь и не Европа: это Франция. Далее оратор перечисляет ужасы — разрушенные алтари, осквернённые святыни — и разворачивает толпу к делу:

«Пусть выступят против неверных в бой, который должен дать в изобилии трофеи, те люди, которые привыкли воевать против своих единоверцев-христиан... Земля та течёт молоком и мёдом. Иерусалим — пуп земли... Вступите на стезю Святого Гроба, исторгните ту землю у нечестивого народа, подчините её себе».

Вслушайся, как собран этот абзац: тем, кто режет соседей, — война без греха; бедным — земля с молоком и мёдом; всем — пуп земли. Каждому сословию — его приманка, в трёх фразах. А венчает речь формула, которой позавидует любая канцелярия мира:

«Всякий, кто пойдёт туда, не должен ни в чём сомневаться: имущество его останется неприкосновенным, а сам он получит отпущение грехов. Кто здесь горестен и беден — там будет радостен и богат».

И поле ответило. Фульхерий Шартрский, стоявший в той толпе, записал: люди закричали в один голос — «Deus le volt!» — «Так хочет Бог!» — и крик покатился по полю прежде, чем папа договорил. Епископ Адемар Монтейльский первым опустился на колени и просил дозволения идти; на плащах резали красные кресты — ткани не хватило до

вечера. Так за один час, на одном поле, у одной проповеди родилась первая в истории общеевропейская армия. [Д] — Роберт Реймский и Фульхерий Шартрский, по корпусу источников Заборова.¹¹

А теперь остановись и задай вопрос следователя, который не задаёт себе восторженная толпа: кому присягнула эта армия? Не королю. Король Франции в эти самые дни стоит отлучённым от церкви — и отлучение это подтвердил тот же собор, на том же клермонском холме, неделей раньше.

Отлучённый жених

История, которой нас учат, звучит анекдотом: король Филипп I отослал жену Берту Голландскую и в 1092 году увёз Бертраду де Монфор — жену собственного вассала, графа Фулька Анжуйского; за двоежёнство собор в Отёне отлучил его в 1094-м, Клермон отлучение подтвердил. Король-волочита против строгой церкви — так это подают девять веков.

Я — следователь, и я проверю строгость на избирательность. Возьмём трёх королей одной эпохи и посмотрим, как одна и та же церковь мерила один и тот же грех.

Король первый — Генрих IV, император, заклятый враг Рима: за одну лишь попытку развестись с нелюбимой женой в 1069 году он получил такую угрозу церковных кар, что отступил, не начав; позже Рим будет воевать с ним до гроба

¹¹ Роберт Реймский. Иерусалимская история, кн. I; Фульхерий Шартрский. Иерусалимская история, кн. I // Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

и дальше — его тело годами пролежит без отпевания. Королю-врагу не простили даже намерения.

Король второй — Людовик VII, внук нашего Филиппа, послушный сын церкви: в 1152 году он разведётся с Алиеной Аквитанской — с живой женой, матерью его дочерей, — и развод ему оформит церковный собор в Божанси, благочестиво сославшись на дальнейшее родство. Королю-союзнику развод выдали с печатью и благословением.

И король третий — Филипп I, не враг и не святой: его грех ничем не чернее людовикова и ничем не белее генрихова. Но его отлучают — и вчитайся в календарь: отлучение подтверждается в Клермоне в ноябре 1095-го, в ту самую неделю, когда с клермонского поля забирают его рыцарство. А теперь досмотри историю до конца, она короткая: в 1104 году, когда поход давно ушёл и вернулся, отлучение с Филиппа снимают — по формальному покаянию; Бертрада же, сам «неснимаемый» грех во плоти, остаётся при короле до конца его дней, рождает ему сыновей, и никто больше не ломает из-за неё копий. Грех был вечный — отлучение оказалось тактическим. [Д] по датам, [Р] по прочтению.¹²

Так повод это или причина? Ни то, ни другое, читатель, — и здесь надо увидеть слой глубже, потому что ты смотришь на демонстрацию новой власти. Григорианская реформа —

¹² Отлучение: собор в Отёне (1094), подтверждено Клермонским собором (ноябрь 1095); снятие — собор в Париже (1104). О разводе Людовика VII — собор в Божанси (1152).

та самая, чьим солдатом был Урбан, — среди прочего забрала себе монополию на брак: отныне только церковь решает, чей союз законен. Скудное каноническое право? Просчитай следствие: кто решает, законен ли брак короля, — тот решает, законны ли его дети; кто решает, законны ли дети, — тот решает, кто наследует корону. Монополия на брак есть монополия на будущее всех династий Европы — тихая, бумажная, без единого меча. И отлучение Филиппа — первая публичная демонстрация этой монополии на самом видном теле континента: смотрите, король Франции не хозяин даже собственному ложу. А то, что демонстрацию назначили на неделю вербовки его войска, — это уже почерк, который читатель этой книги узнаёт без подсказки: система не выбирает между принципом и выгодой — она исполняет принцип в момент наибольшей выгоды. Отлучение с таймером — занеси этот рычаг в опись, читатель: он ещё сработает в этой книге не раз. Твоё чутьё, читатель, если ты заподозрил здесь требование системы, — верное: требованием была не нравственность Филиппа. Требованием была подпись под монополией.

Кому присягнула армия

Теперь сложи двойной акт клермонской недели, и увидишь операцию целиком. Акт первый: корона Франции выключена — отлучённый король не может ни возглавить святое дело, ни благословить его, ни претендовать на его плоды. Акт второй: воинство Франции — поднято, помечено

крестами и уведено. Кем уведено? Во главе похода папа ставит не государя — своего легата: Адемара Монтейльского, епископа Ле-Пюи, того самого, что первым встал на колени. Князья, ведущие колонны, — сплошь вассалы: Раймунд Тулузский, Готфрид Бульонский, Боэмунд Тарентский — и Гуго Вермандуа, родной брат отлучённого короля, идущий под чужим знаменем рядовым вождём. Ни одного суверена. Первая общеевропейская армия в истории — сто тысяч человек — не подчинена ни одной короне мира. Она подчинена престолу. [Д] — по составу и по замыслу о легате.¹³

И вексель 751 года, читатель, предъявлен к оплате в новой валюте. Триста лет Франция платила Риму землями — экзархат, дар Пипина. Теперь она платит кровью: первый поход — почти сплошь французское предприятие, и следующие два века из восьми походов Франция будет главным плательщиком каждого. Хронист Гвиберт Ножанский, сам того не ведая, выдал бухгалтерию в заглавии своей книги: «Gesta Dei per Francos» — «Деяния Бога через франков». Вслушайся в предлог. Не «деяния франков». Деяния Бога — через франков. Инструментальный падеж целой нации, вынесенный в заголовок благочестивой хроники. Мне нечего добавить к формуле современника.

Загнанные в угол

¹³ О назначении Адемара Монтейльского главой похода как папского легата — постановления Клермонского собора; состав вождей — хроники Первого похода (Раймунд Ажилский, Фультхерий, Аноним).

Но задержишься, читатель, и задай вопрос глубже того, что уже задан. Кому присягнула армия — мы видели. Теперь спроси: а почему сто тысяч человек вообще сорвались с места — бросили дом, поле, семью и пошли умирать за три тысячи вёрст? Вера? Да, вера, и я не отнимаю её у той эпохи. Но система — мы видим это всю книгу — никогда не полагается на одну веру. Она строит условия. Такие, при которых любой трезвый расчёт любого сословия даёт один и тот же ответ. Смотри, как перед клермонским полем закрывали двери — одну за другой.

Дверь первая — закрыта на том же соборе, и вот деталь, которую учебники проходят скороговоркой: первым решением Клермона, до всякой речи о Иерусалиме, «Мир Божий» объявлен обязательным для всех христиан. Что это значит для рыцаря? Частная война — его промысел, его доход, его ремесло — запрещена под страхом отлучения с вечера среды до утра понедельника и по всем праздникам; за нарушение — анафема. Человеку, которого с семи лет учили только владеть мечом, меч оставили — и запретили им кормиться. На той же неделе, с того же помоста ему показали единственное место на земле, где его ремесло отныне не грех, а спасение. [Д] — каноны Клермонского собора.

Дверь вторая — закрыта поколением раньше: майорат. Земля неделима и уходит старшему сыну; младшие — вооружённая, обученная войне молодёжь без надела, без будущего и без права добыть его дома (см. дверь первую). И что-

бы не осталось сомнений, что система видит этот угол, — оратор называет его вслух, с помоста: «Земля, которую вы населяете, сжата отовсюду... она тесна для вашего многолюдства», — это Урбан по записи Фульхерия. Диагноз поставлен публично — и тут же выписан единственный рецепт. [Д]

Дверь третья — её закрыла сама жизнь, но заметь, как точно выбран момент: годы перед Клермоном — неурожаи, мор и голод, хронисты пишут о них прямо. Дома — тощие годы; с помоста — «земля, текущая молоком и мёдом».

И дверь четвёртая, главная, — закрытая онтологически. Для человека одиннадцатого века ад — не метафора: он реален, как соседний лес, и вечен. А ключи от спасения — монополия той же системы: она одна отпускает грехи, и полное отпущение, разом за всю жизнь, объявлено только за поход. Рыцарю, всю жизнь резавшему соседей (см. дверь первую), предъявлен его личный ад — и узкая калитка из него, единственная, на Восток.

Теперь сложи четыре двери и назови конструкцию её именем. Промысел запрещён, наследства нет, дома голод, впереди ад — открыт один выход, и у выхода стоит система с крестами из красной ткани. Это не вербовка, читатель. Это пат: положение, в котором любой возможный ход субъекта — ход, нужный системе, и субъект ещё благодарен за подсказку. Запомни это слово — мы с тобой отныне будем искать эту конструкцию в каждом узле книги, потому что выявить, кто и как расставлял фигуры до того, как «свободная

воля» сделала свой единственный возможный ход, — это и значит выявить матрицу.¹⁴

Осталась касса — и она замыкает пат в кольцо. Идущему нужна наличность: конь, оружие, обоз — годовой доход рыцаря и выше. Денег у эпохи нет — есть земля; продать или заложить её можно единственному держателю свободных средств, потому что кредит мирянам запрещён — кем? — той же системой: монополия на ростовщичество отстроена канонами задолго до Клермона. И монастырские картулярии — приходные книги, они изданы — фиксируют в 1096 году волну: сотни сделок, рыцари закладывают и продают наделы аббатствам за наличность; Ключи и его дочерние дома скупают землю, как не скупали никогда. Половина заёмщиков не вернётся — заклад отойдёт держателю. А имущество ушедших — вспомни «гарантию сохранности» из речи — взято под церковную опеку на годы. Заклад, продажа, опека: земля Франции течёт системе тремя руслами, и оплатили это сами загнанные — землёй, а потом и кровью. Король при этом отлучён и не при делах: единственная корона, что могла бы претендовать на долю, выключена заранее. [Д] по картуляриям и канонам, [Р] по сборке — и попробуй, читатель, собрать эти двери в другом порядке: они закрываются

¹⁴ Каноны Клермонского собора (о «Мире Божиим» как первом постановлении); Фульхерий Шартрский. Иерусалимская история, кн. I («земля... тесна для вашего многочисленности») // Заборов М. А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977.

только так.¹⁵

Рим в этот момент

Подними глаза от клермонского поля к Риму — и увидишь то, от чего этот узел становится третьим свидетелем главного тезиса книги. В Риме в 1095 году сидит не Урбан. В Риме — антипапа Климент III, ставленник императора Генриха IV; Урбан за годы понтификата входил в собственный город с боями и не удержался, его двор кочует. Папа без столицы, наполовину изгнанник — и вот этот изгнанник с родной французской земли поднимает континент, выключает короля и уводит армию. Сосчитай со мной, читатель, это уже третий раз: в 816-м функция пережила смерть обоих подписантов Рождества; в 987-м операция прошла при клановом, купленном Иоанне XV руками Реймса; в 1095-м она проходит при захваченном Риме — руками Ключни. Центр мёртв, центр угнан, центр захвачен — система работает. Назову мотор по именам и адресам: это бургундское аббатство, чей приор стоит на клермонском помосте; это реймсская школа, чей выпускник полвека назад сел папой; это сеть монастырей, канцелярий и обрядов, которая производит и пап, и легатов, и самые формулы вроде «мира Божьего» — и которой оттого безразлично, кто нынче держит Латеран. Имя Урбан в семёрку великих имён не входит — говорю это честно и

¹⁵ Recueil des chartes de l'abbaye de Cluny / Ed. A. Bernard, A. Bruel. T. V. Paris, 1894 (грамоты 1096 г.: заклады и продажи земель отправляющимися в поход); о канонических запретах ростовщичества мирянам — постановления Латеранских соборов.

клетку не натягиваю; но узел испытывает не клетку. Он испытывает то, что раздаёт клетки. [Д] по положению Рима, [Р] по сборке — и попробуй собрать иначе.

Но задержимся у этого антипапы — он того стоит, и читатель вправе спросить: что это вообще за фигура и почему система терпела её тринадцать лет? Знакомься: Гвиберт, архиепископ Равеннский, поставленный императором Генрихом IV в 1080 году в ответ на собственное отлучение; в 1084-м Генрих взял Рим, Гвиберт сел в Латеране под именем Климента III — и сам же короновал Генриха императором. Законный папа Григорий VII умер в изгнании, и последние слова его записаны: «Я любил справедливость и ненавидел беззаконие — потому умираю в изгнании». А Гвиберт-Климент пережил его на пятнадцать лет: он держал Рим или его части при трёх законных папах подряд и умер своей смертью, на кафедре, — лишь потом его кости выкопают и бросят в Тибр. Тринадцать лет, читатель. Система, которая — мы видели это в 991-м и ещё не раз увидим — вырезает ненужное ей за месяцы, терпела «неправильного» папу в собственной столице тринадцать лет. По нашему же методу это может значить одно: он был ей нужен. Посмотри, что антипапа дал машине, сам того не желая. Первое: он стал стресс-тестом, отделившим престол от функции, — император захватил всё: город, дворец, обряды, ключи — и не получил ничего; сила ушла с Урбаном в сеть и подняла Клермон из изгнания; отныне захватывать Рим бессмысленно, и все это

увидели. Второе: он консолидировал машину — при живом «неправильном» папе ни один епископ Европы не мог отсидеться в нейтралитете, и клюнийская партия за эти годы вычистила и сплотила ряды, как не смогла бы в мирное время. Третье, самое холодное: он обесценил императорскую корону — Генрих IV коронован рукой человека, которого полмира не признаёт, и его императорство отныне оспоримо; система руками самого императора изготовила ему корону с трещиной. Антипапа — не поломка системы: это её предохранитель и её полигон. И последний штрих, от которого у читателя «Инструкции для римского папы» должно перехватить дыхание: выбирая имя своей креатуре, имперская канцелярия взяла — Климент. Открой Матрицу: Климент — имя-интерфейс внешней силы, имя сделки с короной. Даже угонщики соблюдали код: подделка перенимает грамматику подлинника — а значит, грамматику читали и враги. Мы с тобой будем встречать антипап на этой дороге ещё не раз — и я сочту их всех в отдельной главе в конце книги; пока просто запомни: у системы есть и такой инструмент. [Д] по датам и именам, [Р] по функциям.¹⁶

Цена и расписка

Пятнадцатое июля 1099 года. Иерусалим взят. Хронисты похода — свои, христианские, гордые — записали, что по

¹⁶ О Гвиберте Равеннском (антипапа Климент III, 1080/1084–1100): синод в Бриксене (1080), коронация Генриха IV (1084); последние слова Григория VII — *Liber Pontificalis* и жизнеописание; о соглашении Пасхалия II с Генрихом V (1111) и его отмене — документы Латерана 1112 г.

улицам у мечети шли по щиколотку в крови; привожу это не для эффекта, а для честности счёта: вот чем оплачен «пуп земли». А теперь две смерти, замыкающие главу. Легат Адемар — человек, первым вставший на колени в Клермоне, — умер в Антиохии в 1098-м, за год до цели. Папа Урбан II умер в Риме двадцать девятого июля 1099 года — через две недели после падения Иерусалима, до того, как весть успела пересечь море. Человек, поднявший сто тысяч, не узнал, что дело сделано. Вчитайся в эту бухгалтерию, читатель, ты ведёшь её с нами третью главу: работу приняли — работники не дожили до расписки. Оба. А дело — жило: походы шли ещё двести лет, и Франция платила по каждому.

Должник, впрочем, устаёт платить — это закон всякого векселя. Пройдёт двести лет, и внук внуков этих крестоносцев, король Франции Филипп, четвёртый этого имени, прозванный Красивым, посчитает счета — и пошлёт своих людей не в Иерусалим, а в маленький итальянский городок, где отдыхает папа. То, что случится там утром седьмого сентября 1303 года, Европа не видела никогда — и не забудет никогда. Ананьи. Туда и идём.

Опись рычагов узла

Пересчёт — и в этой главе опись растёт, как нигде. Мир Божий: запрет промысла целому сословию, закрывающий дверь на том же соборе, где открывают другую. Диагноз с помоста: майорат и теснота, названные вслух тем, кто предлагает единственный выход. Монополия на отпущение: ад

реален, ключи — у одной кассы. Монополия на кредит: заимодавец — только монастырь, по канону самой же системы. Опека имущества: «гарантия сохранности» как передача управления. Отлучение-таймер: грех вечный — кара в момент наибольшей выгоды. И над всем — метод пата: закрыть все выходы, кроме нужного, и назвать единственный оставшийся ход свободной волей. Тринадцать рычагов с начала книги. Читатель, я не буду делать вывод за тебя — просто продолжай считать.

ГЛАВА IV. ПОЩЁЧИНА

Восемнадцатое ноября 1302 года. Рим, Латеран. Папа Бонифаций VIII издаёт буллу, которой суждено стать самой знаменитой из всех папских булл в истории, — «Unam Sanctam». Прочти её финальную строку, читатель, — медленно, как читает следователь, потому что это не богословие: это ультиматум всему мирозданию.

«Мы объявляем, говорим, определяем и провозглашаем, что подчинение римскому понтифику есть для всякой человеческой твари непереносимое условие спасения».

Всякой твари. Не всякого христианина, не всякого короля — всякой человеческой твари. Вчитайся, что это значит для короля Франции: ему не оставлено суверенного пространства вовсе — ни в казне, ни в суде, ни в собственной душе. Оба меча, духовный и светский, — так прямо и сказано в

булле — принадлежат церкви, и светский вручается королям лишь в пользование, «по указанию и с соизволения». Это, читатель, тот самый метод, который я описал в прошлой главе, доведённый до логического предела: пат, объявленный на весь род людской. Одна дверь на всё человечество — и у двери касса.¹⁷

Но на этот раз система строила пат человеку, который умел читать чертежи.

Король, который умел считать

Филиппу IV, прозванному Красивым, в 1302 году тридцать четыре года, и современники в один голос описывают его странно: прекрасен лицом и молчалив, как изваяние, — «это не человек и не зверь, это статуя», скажет о нём епископ, знавший его близко. За статуей стоял ум нового типа: Филипп первым из королей Европы окружил себя не баронами, а легистами — юристами, выучившими римское право, людьми без родовых замков, обязанными всем только короне. Запомни главного из них: Гийом де Ногаре, профессор права из Лангедока, будущий хранитель королевской печати. Я ещё рассмотрю его вблизи — он того стоит.

Ссора началась, как всё в этой книге, — с денег. Филипп воевал с Англией и Фландрией, и войны стоили казны; король обложил налогом церковные доходы своего королевства — как облагал всех. Ответ Рима пришёл буллой 1296 го-

¹⁷ Булла *Unam Sanctam*, 18 ноября 1302 г. (текст по регестам Бонифация VIII: *Les registres de Boniface VIII* / Ed. G. Digard et al. Paris, 1884–1939).

да «Clericis laicos»: мирянам запрещено брать подати с клира, клиру — платить их, нарушителям обеих сторон — отлучение, автоматически, самым фактом. Взвесь этот ход на весах нашей с тобой описи: треть богатств Франции объявлена недосыгаемой для французской короны — дверь захлопнута канонически, навечно, без переговоров.

И вот здесь Филипп сделал то, чего не делал до него ни один загнанный в угол король, — он посмотрел, откуда в стене двери, и увидел трубу. Ту самую, которую система строила веками: динарий святого Петра, крестоносные десятины, аннаты, судебные сборы — непрерывный ток золота из всех королевств в один центр. И король ответил не армией и не богословием — указом о запрете вывоза золота и серебра из Франции. Всё. Три строки канцелярии — и крупнейший приток римской казны пересох в один день. Первая в истории валютная война, и объявил её мирянин престолу. Заметь, читатель, самое важное в этом ходе: Филипп не изобрёл оружия — он развернул трубу системы против системы. Чертежи, оказывается, читаемы в обе стороны. [Д] — буллы и ордонансы 1296 года.¹⁸

Рим отступил — тогда. Но обе стороны поняли, что это было: разведка боем. Второй раунд начался в 1301-м, когда Филипп сделал немислимое — арестовал епископа: Бернара Сессе, епископа Памье, обвинённого в измене, судил ко-

¹⁸ Булла Clericis laicos (февраль 1296); королевские ордонансы 1296 г. о запрете вывоза золота, серебра и ценностей из королевства.

ролевский суд. Понимаешь, что это, читатель? Вторжение в святая святых — в монополию системы судить своих. Ответ Бонифация — булла «Ausculda fili» («Внемли, сыне»): король призван к ответу, на декабрь 1302 года в Рим созывается собор о состоянии Франции — королевство вызвано в чужой суд, как проворовавшийся приказчик.

И тогда Филипп построил то, чего Европа ещё не видела. В апреле 1302 года в соборе Парижской Богоматери он созвал Генеральные штаты — первые в истории Франции: духовенство, знать и — вслушайся — горожан, третье сословие. Зачем? Смотри на конструкцию глазами метода этой книги, она гениальна: против системы, чья сила — в монополии на легитимность, король строит собственный источник легитимности — нацию. Отныне он говорит с Римом не от себя — от королевства; и даже французское духовенство, поставленное между папой и нацией, подписывает письмо в защиту короля. Филипп не ломился в закрытую дверь системы — он выстроил рядом свою. Запомни этот контр-рычаг, читатель: через четыреста восемьдесят семь лет потомки этих горожан, созданные в той же логике, снесут и трон, и алтарь, — но это другая глава.

«Unam Sanctam» была ответом на Генеральные штаты — ультиматум на ультиматум. Дальше дипломатии не осталось. Ногаре подал королю меморандум: Бонифаций — не папа, а узурпатор, еретик и симониак; его должен судить вселенский собор; а чтобы собор состоялся — обвиняемого надо доста-

вить. Юрист, читатель. Всё по процедуре. Осталось съездить за подсудимым.

Гонка двух курьеров

Теперь — деталь, ради которой стоит писать исторические расследования, и она документирована: дата. К началу сентября 1303 года канцелярия Бонифация подготовила буллу «Super Petri solio» — отлучение Филиппа IV, освобождение его подданных от присяги: тот самый растворитель, который читатель этой книги видел в 751 году. Обнародование было назначено на восьмое сентября.

Ногаре вошёл в Ананьи седьмого.

Сутки, читатель. Система и король шли к одному дню с двух сторон, и королевский юрист успел на двадцать четыре часа раньше папской канцелярии. Кто-то скажет — совпадение; я скажу — у Ногаре в курии были свои глаза, и гонка курьеров была настоящей: на кону стояло, чья бумага выстрелит первой — отлучение короля или арест папы. [Д] — по дате подготовленной буллы.¹⁹

Утро в Ананьи

Седьмое сентября 1303 года, рассвет. Ананьи — городок в горах Лацио, родина Бонифация: он здесь родился, здесь его дворец, здесь он отдыхает от римской жары. Полторы-две тысячи конных и пеших входят в город под двумя знамёнами

¹⁹ Булла Super Petri solio, подготовленная к обнародованию 8 сентября 1303 г. (Dupuy P. Histoire du différend d'entre Philippe le Bel et Boniface VIII. Paris, 1655. Preuves).

— с лилиями Франции и ключами святого Петра: даже мятеж против папы идёт под ключами, вчитайся в эту деталь. Во главе — Ногаре и Шарра Колонна, римлянин из клана, которому Бонифаций разрушил родовое гнездо: папа взял их Палестрину обманом и срыл до земли, — у этого человека к старику в тиаре свой счёт. Ворота открываются изнутри: земляки сдали земляка. Свита бежит первой — включая любимого племянника, кардинала. У трона остаются двое: испанец Педро Родригес и кардинал Никколо Бокассини. Запомни второе имя, читатель, — через месяц оно станет главным словом этой главы.

Старик — ему шестьдесят восемь — встретил их так, что даже враждебные хронисты записали сцену с невольным почетом: в полном папском облачении, с крестом в руках, на троне. Ногаре объявил требование: отречение и следование на собор. Ответ Бонифация сохранён: «Вот моя шея, вот моя голова — но отрекусь не раньше, чем умру». Три дня папа просидел под стражей в собственном дворце, пока отряд грабил город; на третий день Ананьи опомнилось — горожане ударили в колокола, поднялись и вышибли пришельцев вон. Освобождённый Бонифаций — и это тоже в хрониках — простил тех, кто его взял. Тринадцатого сентября его привезли в Рим, под опеку клана Орсини; четыре недели спустя, одиннадцатого октября 1303 года, он умер — горячка, а по слову его врачей, «глубокое горе». [Д] — хроники, даты.²⁰

²⁰ Джованни Виллани. Новая хроника. Кн. VIII, гл. 63 / Пер. М. А. Юсима. М.:

Пощёчина, которой не было, — и та, которая была

Теперь я обязан сделать то, что делаю в каждой книге серии: отдать красивую улику прежде, чем за неё ухватится критик. Знаменитая «пощёчина Ананьи» — Шарра Колонна, ударивший папу латной перчаткой, — легенда. Хронисты-современники единодушны в обратном: Джованни Виллани, флорентиец, папе отнюдь не друг, пишет: «никто не покусился на папу и не дерзнул поднять на него руку»; то же — Мелькские анналы. И жуткие рассказы о конце — «перегрыз себе вены», «разбил голову о стену» — опровергнуты вещдоком: при вскрытии гробницы в 1605 году тело нашли невредимым, руки и голова целы. Я отдаю перчатку. [Д] — Виллани, книга восьмая; акт Гримальди 1605 года.²¹

И забираем взамен большее. Потому что настоящая пощёчина — та, которую засвидетельствовал враг. Данте Алигьери ненавидел Бонифация лично: тот приложил руку к перевороту, стоившему поэту родины, и Данте посадил его в ад заживо, в яму торговцев благодатью. Но об Ананьи этот же человек написал в «Чистилище» строки, от которых холодеет:

«Но я страшнее вижу злодеянье: / Христос в своём наместнике пленён, / И торжествуют лилии в Ананье. / Я вижу — вновь людьми поруган он, / И желчь и уксус пьёт, как

Наука, 1997; о реплике «вот моя шея, вот моя голова» — там же.

²¹ Виллани. Новая хроника. VIII.63 («никто не покусился на папу...»); Мелькские анналы, а. 1303; акт вскрытия гробницы Бонифация VIII (Джакомо Гримальди, 1605).

древле было, / И средь живых разбойников казнён».

Вчитайся: злейший враг папы сравнивает его плен со Страстями Христовыми — а «лилии» в строке суть герб Франции. Когда такое пишет враг — это не поэзия, это показание. Удар в Ананьи был нанесён не по щеке старика — по тысячелетнему представлению, что наместника Бога нельзя тронуть рукой. Каносса, где император стоял босым в снегу, и Ананьи, где капитан королевских войск диктовал папе условия, — две даты, между которыми уместилась вся дуга папского могущества: двести двадцать шесть лет от вершины до пола. [Д] — Данте, «Чистилище», песнь двадцатая.²²

Чьи деньги, чей долг

Вопрос метода: на что снаряжён рейд? Казна Филиппа после разгрома при Куртре пуста, король портит монету — современники зовут его фальшивомонетчиком в глаза. Операцию Ногаре готовил из замка Мушатто Францези — флорентийского банкира на королевской службе: тосканские деньги, тосканская разведка, вербовка на месте. А теперь взгляни на самый глубокий слой узла — где вообще лежит казна Франции? Она лежит в парижском Тампле: королевская сокровищница десятилетиями хранится у ордена тамплиеров, и король — должник ордена. Рука, поднявшаяся на папу, снаряжена в долг у банкиров и держит собственную казну у монахов-воинов. Запомни оба адреса, читатель: по фло-

²² Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище, XX, 85–93 (пер. М. Л. Лозинского).

рентийскому счёту заплатит Флоренция изгнаниями и переворотами, а по второму адресу через четыре года придут на рассвете — и это следующая глава. [Д] — о базе у Францези и казне в Тампле.²³

Тёмная лошадка: пешка, которая стала ферзём

Пора исполнить обещание — рассмотрим вблизи человека, вошедшего в Ананьи. Потому что чем ближе смотришь на Гийома де Ногаре — тем меньше он похож на слугу короля и тем больше на нечто иное, чему я буду подбирать имя всей описью аномалий.

Аномалия первая — происхождение. Он родился около 1260 года в Сен-Феликс-де-Караман, в Лангедоке, — и останись, читатель, на этом адресе: это та самая деревня, где веком раньше, в 1167 году, катары провели свой единственный «вселенский собор», оформивший еретическую церковь юга (сам документ собора спорен — помечаем [Р]). Родители Ногаре, по свидетельствам, принадлежали к катарам; его дед осуждён в Тулузе как еретик времён Альбигойского похода. В той Франции внуку еретика было закрыто всё: клеймо происхождения блокировало любую церковную и государственную ступень. А теперь читай его послужной список: профессор римского права в Монпелье, королевский судья в Бокере и Ниме, член Королевского совета, рыцарь, се-

²³ О подготовке операции из владений Мушатто Францези — хроники и исследования похода Ногаре; о хранении королевской казны в парижском Тампле — акты казначейства Филиппа IV.

ньюр четырёх владений, с 1307 года — хранитель большой печати Франции. Внук сожжённого поднялся к печати королевства — при действующей инквизиции, которая обязана была остановить его на первом же цензе. Кто-то стирал клеймо на каждой ступени. [Д] по биографии, [Р] по выводу.

И это не реконструкция историков, вычитанная из архивов задним числом, — это знали при его жизни, и произнёс это вслух сам Бонифаций. В день Ананьи, по свидетельству хронистов, старик в тиаре бросил в лицо не Колонне — Ногаре: «Ты — сын и внук патаренов» (патаренами в Италии звали катаров). Эхо этой фразы донесли пять независимых источников четырнадцатого века: флорентиец Джованни Виллани, немец Эберхард Регенсбургский, безымянная орвьетская хроника, современник Ногаре Гульельмо Вентура — и официальный протест, поданный императору и папе в 1313 году. Происхождение из сожжённого рода не было тайной следствия — оно было последним оружием жертвы: папа, взятый под стражу, опознал в вошедшем не королевского чиновника. Он опознал наследника костра. [Д] — пять свидетельств.²⁴

Аномалия вторая — талант. Говорят: талантливый человек талантлив во всём. Проверим на портфеле. Обвинения Бонифацию: ересь, симония, содомия. Обвинения тамплие-

²⁴ Джованни Виллани. Новая хроника, VIII.63; Эберхард Регенсбургский. Аналы; орвьетская хроника (аноним); Гульельмо Вентура. Мемориал; протест императору и папе (1313). Патарены — итальянское именование катаров.

рам четыре года спустя: ересь, идолопоклонство, содомия — тот же список, читатель, сверь сам. Процесс епископа Гишара Труа: колдовство, порча, сношение с дьяволом — и вёлся этот процесс, как отмечают исследователи, демонстративно: как «подсказка» папе Клименту, что будет со всяким, кто заупрямится. Историки формулируют без обиняков: методы Ногаре заимствованы из практики инквизиционных процессов — стандартный список вымышленных обвинений, шантаж, управление молвой через памфлеты. Вот и ответ: он не был талантлив во всём. Он был виртуозом одной технологии — инквизиционной, фирменной технологии самой системы, — и владел ею лучше инквизиторов. Где выучился? Его родина — Лангедок после альбигойской резни, земля, где инквизиционный конвейер работал поколениями; внук сожжённого вырос внутри процессов — жертва, изучившая молот до последнего винтика. [Д] по процессам и оценкам исследователей.

И аномалия третья — выбор целей. Посмотри, по кому бил этот молот в руках мирянина: по папе, чья доктрина устарела и мешала; по ордену-банкиру, чья независимость и касса мешали; по епископу — для острастки нового папы. Всякий раз — по церковной цели, королевской рукой, церковной технологией. И всякий раз — по цели, которую, как мы увидим, системе было пора списывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.